

Кир Булычев

Купидон через сорок лет



Часть сборника
Таких не убивают (сборник)



Река Хронос

Кир Булычев

Купидон через сорок лет

«ЭКСМО»

1998

Булычев К.

Купидон через сорок лет / К. Булычев — «Эксмо», 1998 — (Река Хронос)

Однажды в московской квартире, где проживала Лидия, раздался звонок, и на пороге появилась старушка. Оказалось, что она ищет свою младшую сестру, которая когда то здесь проживала вместе с мужем... © FantLab.ru

© Булычев К., 1998

© Эксмо, 1998

Кир Булычев

Купидон через сорок лет

Вдруг его охватило нетерпение, суматошная, нервная спешка. Надо было скорее, скорее все сделать, пока никто не заметил, никто не пришел. Вряд ли кто мог прийти сюда, в дачный поселок, в ноябре, на рассвете... Пусто, последние бурые листья, пропитанные водой, собираются кучками в углублениях почвы и чавкают под ногами. Грязно, земля тяжелая, небо свинцовое, из всех птиц осталась одна ворона, уселась на сосне, ей бы спать, чего неймется? Ворона раза два каркнула, склонив голову. Сейчас бы выстрелить в нее, и дело с концом. И хоть у него отродясь не было пистолета или ружья, он вдруг испугался собственного желания, как будто уже был готов к выстрелу – представил, какой гулкий получится шум, как покатится эхо выстрела над дачным поселком, до самой станции и обязательно вызовет там тревогу. И кто-то уже прибежит сюда посмотреть, на какой даче остались люди, кто стрелял, кого убили?

Он бегом вернулся в сырой нетопленный дом. Он очень спешил, главное было успеть, пока не рассвело совсем, пока по дороге кто-нибудь не прошел или не проехал – кусты облетели, и теперь с дороги весь участок просматривается как на ладони. Когда глаза привыкли к полутьме, он забрал с тумбочки ее коробку для шитья – нитки, иголки, какие-то тряпочки, – потом у зеркала увидел початый флакончик духов «Красная Москва», схватил и его, еще попала чашка с розочками – почему надо было брать и чашку, он не смог себе объяснить, но чашка имела отношение к жене, чашка свидетельствовала о ее существовании. Предметы, которые раньше были незаметны, растворялись в комнате и на кухне, сейчас прямо лезли в глаза, отовсюду, из каждого угла кричали о его жене. И для того чтобы она исчезла окончательно, навсегда, для всех, для любопытного глаза, надо стереть ее следы до последнего.

Все разом было не унести, но он догадался, разложил на полу ее старый халат, тот, который с лиловыми ирисами, покидал на него вещи. Затем, обзрев кучу добра, зачем-то принес из кухни любимую кастрюлю жены. С минуту стоял, разглядывая ее, потом поспешил обратно, поставил ее снова на полку – таких кастрюль в мире миллион. Тут вдруг вспомнил – полез под кровать. Так и есть, там остался старый чемодан с барахлом, туфлями жены, которые вышли из моды, и кофтой еще довоенных времен. Из чемодана несло нафталином, и сквозь этот запах пробивался запах жены – ее волос, духов, – такой знакомый, он даже отпрянул от чемодана и оглянулся. Ему показалось, что он услышал вздох жены, как бывало, когда она ночью вдруг вздыхала, говорила что-то неразборчиво и переворачивалась на другой бок. Он вскочил, обернулся... Медленно, от ветра, закрывалась дверь.

– Нет тебя. Нет тебя совсем, – сказал он тихо, а получилось громко, гулко, потому что комната уже стала нежилой.

Он связал барахло рукавами халата, потащил к двери. На пороге остановился, посмотрел, нет ли кого на дороге. Холодный туман подбирался к штакетнику, хорошему, ровному, прямому; сам еще летом вкопал новые столбы, а она тогда сидела на веранде, перебирала клубнику, у нее были очень белые руки (никогда не загорала), темно-рыжие волосы и веснушки на переносице. Она была не толстой, но со временем обязательно бы располнела. И странно: к ней как-то приезжала сестра из деревни, маленькая, смуглая, будто из другого племени.

Дорога была пустая. Собирался дождь, и, наверное, от этого никак не светлело. Он поволок узел по тропинке, к сараю. Стало очень жарко, словно взбирался на гору.

У старого, заброшенного колодца, из которого давным-давно ушла вода и который он все собирался расчистить, да не было денег, чтобы нанять мастера, а сам не мог, он остановился. Потом поднял узел на сруб – только два бревна над травой – и толкнул. Узел послушно скользнул вниз, упал на мягкое, недалеко, метрах в двух, что-то в нем звякнуло, наверное, вилки. Он вытер о пиджак потные ладони.

Надо спешить, спешить... еще столько работы осталось. А в любой момент кто-то может появиться. Ну, хотя бы на соседней даче. Они, правда, не приезжали уже недели две, но чем черт не шутит... Он побежал в сарай, отыскал в куче хлама лопату. А лома не было. Вспомнил, что видел лом у крыльца. Он бросил лопату, поспешил к дому. Лом стоял у стены. А топор? Топор в комнате. Он вернулся в дом, часто дыша и не имея времени перевести дух, у дверей поднял с пола топор, еще раз огляделся – увидел на столе шкатулку с ее письмами и всякими бумажками, подхватил ее, побежал обратно, от двери кинул взгляд на комнату, будто уже не смог бы вернуться сюда вновь, – на стуле лежала ее шляпка без полей, она носила ее набекрень. Вернулся, взял и шляпку...

Он расшатывал, разваливал ломом бревна. Бревна сруба были старыми, кое-где подгнили, но держались крепко, скрип стоял на весь поселок, наконец одно бревно поддалось, отвалилось в сторону, он выпрямился, и тут его кто-то спросил, совсем рядом:

– Помочь, может, хозяин?

– Что? – И сразу наступило спокойствие. Все погибло... Подсознательно он ждал этого голоса. Лучше было поджечь дачу и бежать – бежать без оглядки.

Он заставил себя обернуться.

У забора, облокотившись на низкий штакетник, стоял молодой мужчина в ватнике поверх гимнастерки, на гимнастерке видны две полоски, за ранения. А на дороге – удивительно, неужели он мог этого не услышать, – «Студебеккер».

Он с трудом заставил себя говорить.

– Не надо, – сказал он. – Я сам...

– А чего трудишься?

– Колодец, – сказал он. – Видишь, колодец совсем старый. Воды нет. Я здесь огород сделаю.

– Огород?

Под сосной у сарая место для огорода неподходящее, с первого взгляда видно.

– Я выкорчую, – сказал он, – выкорчую, понимаешь?

– Дело твое, а то бы я тебе все это быстро организовал, – сказал демобилизованный. – Не хочешь?

– Спасибо, не надо. Спасибо.

– Ну как знаешь. А ты мне тогда скажи, как на Пушкино выехать?

– На Пушкино?

Он положил на землю лом и пошел к забору, стараясь закрыть собой колодец, хотя в колодец заглянуть от забора было нельзя – далеко все-таки.

– Через километр, – сказал он и откашлялся, – будет поворот направо...

Шофер слушал его, кивал, а сам смотрел почему-то ему через плечо, на колодец. «Что я там забыл? Что он там видит?»

– Смотри, – сказал шофер, – твоя баба шляпу и шкатулку забыла. Дождем промочит.

– Это старые, ненужные, я выброшу, – сказал он быстро, не оборачиваясь.

– Может, мне тогда отдашь, а?

– Нет, – сказал он быстро. – Нельзя.

– Я заплачу.

– Нет.

– Ды ты не психуй, – сказал шофер. – Не хочешь – не надо. Подавись своим добром.

Он пошел к «Студебеккеру», забрался в кабину, дал газ, и грузовик, покачиваясь, как корабль, поплыл с ревом по проселочной дороге.

Как же он мог не услышать, что подъехала машина?

Он побежал к колодцу и первым делом кинул туда шляпу и шкатулку с бумагами. Тут же испугался, не остался ли в шкатулке паспорт жены. Поэтому, прежде чем продолжить раз-

рушение колодца, сбегал домой, убедился, что паспорт спрятан там, только потом вернулся к колодцу, dokonчил его разрушение, скинул бревна и начал рыть яму неподалеку, чтобы той землей засыпать колодец...

* * *

В дверь позвонили.

В этот момент Лидочка проявляла, вернее, сидела на полу в ванной и заряжала в бачок широкую пленку. Было девять вечера, середина сентября, дома никого – Андрей в Средней Азии. Лидочка крикнула:

– Сейчас!

Хотя знала, что за дверью не услышат.

Пленка, как назло, не влезала в бачок. Лидочка молча прокляла судьбу, положила пленку на пол, вышла из ванной и, не зажигая света в коридоре, отворила дверь.

Там стояла маленького роста смуглая бабушка в похожем на шинельку пальто, в черном с красными цветами платке, с большой голубой сумкой «Олимпиада-80» через плечо и чемоданом в руке. У бабушки были темные, въедливые глаза и губы в ниточку.

– Долго не открываешь, – сказала бабушка сердито. – Что ж я, всю ночь на лестнице стоять буду?

– Вам кого? – спросила Лидочка, шурясь от яркого, после темной ванной, света на лестничной площадке.

– Погодите, – сказала бабка. – Проверим. Ты только меня на лестнице не держи, в дом пригласи, окажи внимание пожилому ветерану труда. Я тебя не съем, не обворую, у меня паспорт есть...

Лидочке ничего не оставалось, как покорно отступить в коридор.

– Свет зажги, – сказала бабушка. – Я без свету ничего не разберу.

Лидочка прикинула, насколько опасен свет для пленки, оставшейся на полу ванной. Потом решила, что свет туда не проникнет.

Бабушка прошла на кухню, не спеша развязала платок, сбросила его на плечи, сказала:

– Жарко у тебя, затопили уж, что ли?

– Затопили. – Лидочка вдруг почувствовала себя виноватой за то, что затопили раньше времени.

– А фортку чего не открываешь? – спросила бабушка. – У тебя микробы размножаются.

Пока Лидочка послушно открывала форточку на кухне, бабка поставила на стул сумку, прислонила к стулу чемодан, сама же уселась на стол, вытащила из складок плаща бумажник из кожи под крокодила, а из него – листок. Долго искала очки, а Лидочка стояла над ней и думала, что если надо будет поить бабушку чаем, а все идет к этому, то печенья почти не осталось, и надо открывать последнюю банку малинового варенья. Сейчас бабушка зачитает листок, и из него обнаружится, что она – отдаленная, но некогда любимая родственница Андрюши Берестова. И что таковая решила навеки здесь поселиться, так как ее родное село переоборудуют в водохранилище.

– Точно, – изрекла наконец бабушка. – Я своей памяти уже не доверяю, все записываю, хотя в этой квартире бывала.

– А я вас не помню, – посмела начать сопротивление Лидочка.

– Куда тебе, – согласилась бабушка. – Это Средний Тишинский?

– А что?

– Не тяни, отвечай, не задумывайся.

– Средний Тишинский.

– Дом сорок два, квартира двадцать?

– Правильно. – Надежда на то, что бабушка ошиблась квартирой, испарилась.

– Тогда ты мне скажи. – Бабушка вперила взгляд увеличенных сильными линзами выцветших глаз в лицо Лидочке. – Ты мне скажи, что могло случиться с Верой?

– С кем?

– С моей младшей сестрой Верой. Тысяча девятьсот двадцать первого года рождения.

– Никогда не слышала! – Но Лидочка испытала облегчение, потому что бабушка наверняка не была родственницей ее мужа и по крайней мере не претендовала на угол.

– Вот именно, – сказала бабушка. – Так мне все говорят.

– Может, вам чаю поставить?

Лидочка не смогла скрыть облегчения в голосе. Бабушка его уловила.

– Сделай, сделай, – согласилась она. – Ты меня не бойся, я тебя обо всем расспрошу, переведу дух, а потом обратно поеду. У меня других дел нет. Где у тебя удобства, покажи.

С каждой минутой бабушка все более вживалась в квартиру. Она демонстрировала чувство собственного достоинства, была естественна и дружелюбна настолько, что Лидочке начало казаться: не она ли сама вторглась в чужой дом и намерена здесь навеки поселиться.

Лидочка покорно проводила бабушку до ванной, зажгла ей свет, потом прошла на кухню поставить чайник и услышала бабушкин голос.

– Ты чего фотографическую ленту на полу раскидываешь? Чтобы я наступила, да? А если я поскользнусь и шейку бедра переломлю – ты ж по больницам со мной намаешься!

– Господи! – воскликнула Лидочка и с чайников в руке бросилась в ванную. Эта пленка была плодом трех часов работы, трех часов под мелким дождем – Лидочка промокла, долго выслеживала кошку, которая вывела котят в разросшемся за домом кустарнике.

Бабушка встретила ее в дверях, брезгливо, как раздавленную гадюку, держа пленку за хвост. Пленка была безнадежно засвечена.

А бабушка немного, из вежливости, посокрушалась. Потом с удовольствием пила чай, не скрывая своего намерения переночевать. Оказалось, что зовут ее Любовью Семеновной и разыскивает она свою младшую сестренку Верочку, десятью годами ее моложе. Верочка, как выяснилось, жила когда-то, сразу после войны, в этой квартире со своим мужем. Тогда квартира была коммунальной. Три комнаты – три семьи. Мужа звали Купидоном. Это прозвище, как поняла Лидочка, было дано ему за малый рост, пухлость щек и общую подвижность. Сестры расстались в войну. Вера пошла на фронт медсестрой, там познакомилась и сошлась с Купидоном – он же Иван Макарыч Спесивцев, который состоял в том же госпитале при хозяйственной части, – и в сорок четвертом вышла за него замуж, но не по любви, а чтобы не быть боевой подругой. Как война кончилась, Купидон начал служить в Москве, они поселились в этой квартире, занимали в ней светлую комнату, напротив кухни, потом купили маленькую дачу. Неплохо жили. Любовь Семеновна приезжала к ним сюда в сорок седьмом, дорога неблизкая, а потом сестры что-то поссорились, даже трудно вспомнить почему. Вера была несчастлива с Купидоном, все грозила бросить его, но не решалась, а он страшно ревновал и даже как-то чуть не убил из ревности. Еще бы, ему уже было за сорок, а Верочке, красавице, как березка молодая, меньше тридцати. После ссоры сестры и переписываться перестали. А годы тем временем неслись, шелкали, и набежало около сорока. Лет десять назад написала Любовь Семеновна своей сестре письмо, потом, в восьмидесятом, – поздравление с Первым мая, но ни ответа, ни привета. Решила, что та все сердится, хоть пора и забыть, – чего не бывает между родными! Но недавно Любовь Семеновна начала беспокоиться. Хоть не были сестры близки, к старости человек начинает искать родные души. И вот результат: Любовь Семеновна вышла на пенсию и поехала в Москву, поглядеть на сестру. А где она – одному Богу известно...

Старуха разбудила Лидочку на рассвете. Она встала до первых петухов и начала артиллерийскую подготовку – загремела на кухне посудой, готовила поесть.

– Вставай, Лидия, – крикнула она из кухни, – проспишь! Тебе на улицу иттить!

– Зачем? – спросила Лидия, не раскрывая глаз.

– Как так зачем? Кошку из аппарата щелкать, пленку-то ты вчера загубила, я, что ли, за тебя буду ползать по грязи, животных обнимать?

«Ну зачем я вчера откровенничала! И почему эта бабушка у меня живет?»

– Не пойду, – сказала Лидочка. – Черт с ней, с кошкой, дождик на улице.

– Ну, как знаешь. Тогда звони, как собиралась.

– Рано еще, все спят, семь часов.

– Спать, спать... Когда же они дело делают?

Бабка все знала, все понимала, но была актрисой, хитрила, переигрывала свою роль деревенской старушонки, ей эта роль нравилась, ведь нечасто удастся получить бенефис на московской сцене.

До половины девятого Лидочка кое-как сопротивлялась бабушкиному напору. Затем принялась вспоминать, кто жил в Вериной комнате, когда сюда сменялись Берестовы. Странно, прошло всего семь лет, как Лидочка въехала в эту квартиру, а она уже забыла или, вернее, почти совсем забыла людей, которые жили здесь раньше.

Пока Лидочка разыскивала старую записную книжку, в которой должен быть телефон тех самых Свиницких, которые семь лет назад занимали комнату Купидона, бабушка ходила за Лидой хвостиком и сомневалась:

– А может, она не здесь жила? Тогда ведь иначе было – вот здесь в коридоре велосипед стоял. Ты велосипед помнишь?

– Не было велосипеда, Любовь Семеновна.

– А сундук был?

– И сундука не было. Поймите же, Любовь Семеновна, ваша сестра жила здесь почти сорок лет назад. Наверняка за это время сменилось не одно поколение жильцов.

– Так ты звони, Лида, не отвлекайся.

Наконец Лидочка отыскала книжку и в ней – телефонный номер Свиницких. Тогда, семь лет назад, обмен был сложным, так что находка телефона Свиницких была счастливой случайностью. Видно, Лидочке так хотелось избавиться от бабушки, что даже вещи кинулись ей на подмогу.

– Слушаю, – раздался в трубке сонный мужской голос.

– Простите, я вас не разбудила? – спросила Лидочка.

– Я все равно собирался встать, – уклончиво ответил голос.

Лидочка вздохнула и продолжала, чувствуя себя убийцей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.